УДК 342.731

Аверина Ольга Рудольфовна – канд. филос. наук, доцент Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск). *Тел.: (4212) 30 50 49*

Ol’ga Rudol’fovna Averina – Candidate of Philosophy, docent of the Far-Eastern institute of management – FGBOU VPO branch "The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation" (Khabarovsk). *Ph.: (4212) 30 50 49*

О.Р. Аверина
O.R. Averina

Актуальные проблемы реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания

В статье рассматриваются проблемы реализации права граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на материалах Дальневосточного федерального округа. Отмечается тенденция к продвижению православия и воспрепятствованию деятельности неправославных религиозных организаций, что противоречит конституционному положению о равенстве религий перед законом. Ставится вопрос о религиоведческой компетентности сотрудников судебных и правоохранительных органов.

Actual problems of realization of the right to a freedom of conscience and freedom of religion

The problems of civic rights to the freedom of conscience and the freedom of religion based on the recent examples of the Far-Eastern federal district are examined in this article. The tendency to progress of the Orthodoxy and inhibition of the non-Orthodox religious organizations is given. This factor contradicts to the constitutional norms of denominational equality before the Law. The article raises the problem of religious competence of lawyers.

Ключевые слова: *свобода совести, свобода вероисповедания.*

Keywords: *freedom of conscience, freedom of religion.*

Право на свободу совести и свободу вероисповедания является одним из важнейших личных прав человека и гражданина в демократическом обществе. Для России провозглашение этого права – достижение постсоветского времени. На протяжении многих веков в России

реализовывалась модель государственной церкви, при том, что население было неоднородным в конфессиональном отношении. В общественном сознании преобладала идея того, что каждый человек обязательно должен исповедовать какую-либо религию, и вероисповедная принадлежность граждан фиксировалась в официальных документах. К началу XX в. в российском обществе сложился кризис государственно-церковных отношений. Первая русская революция 1905 г. инициировала принятие правовых актов по религиозным вопросам, основным из которых был Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Он не внес изменений в религиозную политику, само наименование указа говорит о веротерпимости, но не о свободе совести. В Государственной думе первых созывов обсуждались проблемы свободы совести, но существенных изменений в государственной церковной политике, которая опиралась на православное христианство, не произошло. Принятое Временным правительством Постановление от 14 июля 1917 г. «О свободе совести» оставило в неприкосновенности систему государственно-церковных отношений. Вневероисповедное состояние граждан по-прежнему не признавалось.

Вскоре после Октябрьской революции Декретом Совета народных комиссаров от 20 января 1918 г. Церковь была отделена от государства. Главная цель декрета, как отмечает И.Н. Вишнякова [2, с. 54], состояла не столько в том, чтобы предоставить гражданам России максимум религиозной свободы, сколько в необходимости подорвать роль Церкви. Однако, провозгласив взамен веротерпимости свободу совести, советская власть сделала значительный шаг вперед, поскольку свобода совести предполагает как наличие, так и отсутствие религиозности. Тем самым, объем личной свободы был, с одной стороны, расширен. Но, с другой стороны, советское государство с начала своего существования и вплоть до середины 1980-х гг. проводило репрессивную политику против религий, насаждая атеизм в качестве необходимого элемента государственной идеологии. Лишь Закон РСФСР 1990 г. «О свободе вероисповедания» изменил эту ситуацию, освободив государственные органы от контроля над деятельностью религиозных объединений. В настоящее время право граждан на свободу совести и свободу вероисповедания закреплено Конституцией РФ, ст. 28 и Законом РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» №125-ФЗ от 26.09.1997 г.

Комментируя словосочетание «право на свободу совести и свободу вероисповедания», юрист М.О. Шахов указывает: «Если «свобода» в правовом словоупотреблении означает гарантированную законом сферу независимости субъекта, в границах которой он может самостоятельно принимать решения и действовать независимо от внешнего принуждения, то «право» может предполагать наличие у государства корреспондирующей обязанности обеспечить условия для реализации этого права. Роль государства в обеспечении свободы совести и свободы вероисповедания не должна ограничиваться невмешательством в мировоззренческое

самоопределение личности и соответствующую этому самоопределению законную индивидуальную и коллективную деятельность, но состоит также и в создании определенных условий для реализации гражданами права на свободу совести и свободу вероисповедания» [6, с. 47].

Религия играет все бóльшую роль в общественно-политической жизни современного российского общества. В такой многоконфессиональной стране, как Россия, проблемы, связанные с религией, не теряют своей остроты. Тем важнее стоит задача осуществлять взвешенную государственную политику в области религии, не создавать почвы для межконфессиональных конфликтов.

Однако следует отметить, что государственная конфессиональная политика является достаточно противоречивой. В обществе выражается озабоченность тем, что российское государство, сделав большой исторический зигзаг, вернулось к прежней роли православной имперской державы. Публицисты, ученые, общественные деятели с тревогой говорят о тенденции к клерикализации общества, о том, что в нарушение Конституции государственные чиновники поддерживают православие. Хотя формально государство обязано быть индифферентным по отношению к религиозным объединениям, фактически оно выражает моральную поддержку Московской патриархии Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). Средства из государственного бюджета вкладываются в строительство православных храмов, в финансирование мероприятий по случаю православных праздников. Между тем, по данным социологических опросов, лишь от 7% до 9% из числа тех россиян, кто считает себя православными, действительно являются таковыми, т. е. регулярно посещают богослужения, соблюдают религиозные традиции. Выступая на 1-й Балтийской гуманистической конференции в Стокгольме в ноябре 2006 г., религиовед М.М. Богословский цитировал некоторые высказывания иерархов РПЦ. Во время службы в церкви Валаамского монастыря ныне покойный патриарх Алексий II сказал, что 70 лет людей учили жить «бездуховно», что духовное возрождение страны должны начать люди «не испорченные безбожием». В одном из последних изданий Закона божьего говорится: «Если же и существуют отдельные убеждённые безбожники, то они являются редкими исключениями, болезненными отступлениями от нормы». И далее: «Как существование идиотов не отрицает того, что человек есть существо разумное, так и существование безбожников не опровергает факта всеобщности религии» [1]. Подобного рода формулировки, на наш взгляд, противоречат принципу свободы совести, так как последняя предполагает право граждан иметь и распространять любые убеждения. Когда высказывания квалифицируются как оскорбляющие чувства граждан или направленные на разжигание вражды, то (по умолчанию) имеются в виду религиозные чувства и религиозная вражда. Почему-то чувства тех, кто разделяет атеистические убеждения (а это достаточно значительный процент российского населения), в расчет не принимаются.

В монографии, изданной по материалам защищенной в мае 2012 г. докторской диссертации [9], А.В. Ситников анализирует данные массовых опросов верующих, которые были проведены в 2008 – 2009 гг. в гг.Москве, Твери и Калуге на православных выставках и на выходе из храмов после богослужений. Обобщая результаты этих исследований, А. Ситников делает вывод, что «… в целом, воцерковленные верующие относятся к принципам либеральной демократии более негативно, чем православные россияне, живущие менее активной церковной жизнью». Из результатов соц. опросов видно также, что с повышением уровня воцерковленности растет и поддержка верующими монархии в качестве «… предпочтительного строя в России, с точки зрения христианской морали». В целом, среди опрошенных так заявили 5%, а среди сильно воцерковленных – 38%. Причем, вместе со степенью воцерковленности растет предпочтение абсолютной монархии конституционной. «Церковное понимание общности оказывается органически привязано к идее централизованного единовластия», – делает вывод А.В. Ситников [4]. Сказанное дает основание расценивать клерикализацию общества не просто как нарушение статьи 14 Конституции РФ, но как угрозу безопасности конституционного строя.

Некоторые законотворческие инициативы органов власти подтверждают неравноправное положение конфессий в России. В октябре 2008 г. Министерство юстиции РФ опубликовало список из более чем 50 религиозных объединений, которые предполагалось ликвидировать. Список включал мусульманские, иудаистские, буддийские, протестантские, а также альтернативные православные объединения, несмотря на то, что многие из них исправно подавали отчеты о своей деятельности и не нарушали действующее законодательство. Между тем, в Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится: «Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той степени, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [8, ст. 3, п. 3]. Так же законом закреплено положение о том, что религиозные организации могут быть ликвидированы либо по решению их учредителей, или органа, уполномоченного на то уставом религиозной организации, либо по решению суда [8, ст. 14, п. 1].

Многие неправославные объединения квалифицируются как «деструктивные тоталитарные секты». В Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» отсутствует термин «секта», но в юридической практике можно отметить неоднократные попытки его легализации. Так, в Постановлении №16-П от 23.11.1999 г. Конституционного суда РФ был применен термин «секты», что получило следующую оценку юристов: «Конституционный суд употребил это слово в официальном документе и тем самым развязал руки всем, кто навешивает ярлыки на неугодные им культы и начинает словесное избиение инаковерующих…» [5, с. 87]. Справедливость этой оценки подтверждается практикой последнего десятилетия.

Правоохранительные органы, обращаясь к специалистам для проведения религиоведческих экспертиз, практически всегда ставят вопрос: «является ли данная организация деструктивной тоталитарной сектой?». Соглашусь с теми авторами, которые считают, что непродуманное стремление закрепить термин «секта» содержит в себе определенную социальную опасность и негативно влияет на правовую практику в религиозной сфере, они приводят в подтверждение этого ряд аргументов: 1) в силу сложившихся в нашем обществе представлений термин «секта» несет в себе негативную смысловую нагрузку, способную оскорбить чувства верующих; 2) термины «секта», «тоталитарный культ», «деструктивная организация» носят оценочный характер, и введение их в юридическую практику даст право субъективно, излишне широко трактовать правомерность либо неправомерность деятельности религиозных объединений; 3) термин «деструктивная организация» вообще не может отражать сущность религиозных феноменов, т. к. в религиозной жизни установка на разрушение встречается чрезвычайно редко, наоборот, наибольшая общественная опасность чаще всего связана с созидательной установкой; 4) расплывчатость понятий «тоталитарная секта» и пр. позволяет причислить к таким объединениям практически любое новообразование, будь то религиозно-философское учение, культурно-образовательное или иное учреждение, которое по тем или иным причинам кого-то не устраивает. Перечень аргументов может быть продолжен.

В течение последних 3 – 4 лет неуклонно увеличивается количество обращений граждан в Аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ по вопросам соблюдения права на свободу совести и свободу вероисповедания. С 2008 по 2011 гг. число таких обращений выросло почти в 6 раз. В 2011 г. в Аппарат обратились граждане из 70 субъектов РФ, представляющие 30 различных конфессий [7, с. 6]. Ряд типичных проблем, с которыми обращаются граждане, актуальны для Дальнего Востока РФ.

Одной из таких проблем является возвращение верующим используемых не по назначению культовых зданий. В гг. Хабаровске и Благовещенске имеются здания, которые до революции были католическими костелами. В г. Хабаровске в этом здании ныне размещается кожно-венерологическая поликлиника, и вопрос о возвращении бывшего костела католической общине властями не рассматривается. В г. Благовещенске здание бывшего костела в 1990-е гг. было передано Православной Епархии, несмотря на явно неправославную с элементами готики архитектуру. По Хабаровскому краевому телеканалу демонстрировался сюжет, в котором православный священник, служащий в этом храме, говорил журналисту, что, мол, негоже отдавать храм еретикам (хотя, например, патриарх Московский и всея Руси Алексий I[1] в одной из проповедей говорил, что все христианские Церкви любимы Господом Богом.)

[1] Алексий I (Симанский Сергей Владимирович, 1877 - 1970) – Патриарх Московский и всея Руси с 1945 г.

На протяжении последних четырех лет Уполномоченный по правам человека в РФ проводит мониторинг деятельности правоохранительных органов в части исполнения ими нормативных актов, предусматривающих меры административного наказания граждан за так называемое «… назойливое приставание с целью навязывания религиозных убеждений», – по сути, за религиозную агитацию. М.И. Одинцов указывает, что данная норма противоречит статье 28 Конституции РФ, гарантирующей право свободно «распространять религиозные и иные убеждения», а также статье 55 – «права и свободы могут быть ограничены *федеральным* законом. Однако данная норма содержалась в Кодексах об административных правонарушениях 17-ти субъектов РФ, в том числе Хабаровского края и Амурской области. Работа Уполномоченного с субъектами РФ в связи с обращениями граждан с жалобами по поводу привлечения к административной ответственности по этой статье привела к тому, что ряд регионов, в т. ч. Амурская область, согласились изъять антидемократическую норму из административных кодексов.

Возмущение верующих вызывают некоторые действия сотрудников правоохранительных органов и местного самоуправления. Так, в г. Владивостоке в апреле 2011 г. сотрудники полиции вошли в Зал царств Свидетелей Иеговы, вели себя вызывающе, не давая начать вечернее богослужение. Проверка, проведенная Управлением МВД по Приморскому краю, подтвердила факты, сотрудники полиции были предупреждены о необходимости строгого следования моральным и конституционным нормам и принесли извинения верующим. В феврале 2010 г. глава сельского поселения пос. Обор Хабаровского края вместе с тремя другими гражданами ворвались в дом, где проходило богослужебное собрание объединения евангельских христиан-баптистов. Они потребовали от пасторов предъявить документы, а когда те отказались, принялись избивать их, заявляя, что они не потерпят баптистов в православном селе. По данному инциденту более года продолжалась переписка с правоохранительными органами, и только в апреле 2011 г. конфликт был исчерпан в мировом суде.

Немало жалоб поступает на несправедливое применение Федерального закона от 25.07.2002 г. №114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Закон содержит, по мнению авторитетных юристов и правозащитников, размытое и нечеткое определение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность»; понятие «религиозный экстремизм» и его определение вообще отсутствуют в данном законе. Тем не менее, имеются случаи, когда судами или органами прокуратуры усматривались проявления «религиозного экстремизма» в деятельности религиозных организаций.

В Дальневосточном федеральном округе, по сравнению с общероссийской ситуацией, проблемы, связанные с реализацией права на свободу совести, характеризуются сравнительно меньшей остротой. Однако действия отдельных религиозных объединений достаточно часто привлекают внимание правоохранительных органов, и для того, чтобы успешно разрешать возникающие противоречия, необходима соответствующая

компетентность сотрудников. Невозможно грамотно защищать право граждан на свободу совести и свободу вероисповедания, если сотрудники правоохранительных органов не будут хотя бы минимально разбираться в сущности этого права и в религиозной ситуации. Между тем, религиоведческая подготовка юристов в высших учебных заведениях попросту отсутствует. До недавнего времени религиоведение преподавалось будущим юристам хотя бы в форме факультатива. Федеральный государственный образовательный стандарт, реализуемый в настоящее время по направлению подготовки «Юриспруденция», не включает религиоведческие дисциплины.

Когда автор данной статьи в выступлении на секции Первой межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение» (Хабаровск, 23 ноября 2012 г.) озвучил эту проблему, один из участников секции, православный священнослужитель, возразил, что юридическую подготовку получают студенты теологического факультета Дальневосточного университета в г. Владивостоке и слушатели духовной семинарии в г. Хабаровске. Так что, мол, специалисты в области религии и права на Дальнем Востоке РФ имеются. Но я имею в виду как раз **конфессионально неангажированных** юристов, которые обладали бы необходимым минимумом религиоведческих знаний и не представляли бы интересы какого-либо конкретного религиозного направления.

Хотелось бы проиллюстрировать на одном показательном примере, к чему приводит недостаточная компетентность юристов в вопросах религии. В 2009 г. было возбуждено дело против Церкви Христиан Веры Евангельской «Благодать» г. Хабаровска. В ее адрес по иску трех участников мероприятия, проведенного церковью, было выдвинуто обвинение в причинении психического вреда. Только перед началом заседания суда выяснилось (!), что дела против религиозных организаций правомочен рассматривать лишь суд уровня субъекта Федерации. Слушание дела в суде Хабаровского края состоялось 27 апреля 2011 г. Несмотря на предоставленные защитой заключения специалистов, суд удовлетворил требование прокуратуры о запрете деятельности Церкви «Благодать» г. Хабаровска. Как отметила И. Загребина, председатель правления Гильдии экспертов по религии и праву, суд «не заметил» конфессиональную предвзятость и научную некомпетентность экспертиз, предоставленных прокуратурой, и обосновал выдержками из них свое решение. 5 июля 2011 г. Верховный суд РФ отменил решение Хабаровского суда и направил дело на новое рассмотрение. «Но, несмотря на это, буквально на следующий день после решения Верховного суда РФ в рамках уголовного дела начались массовые допросы верующих в г. Хабаровске. Таким образом, для верующих сохраняется вполне реальная угроза уголовного преследования в ситуации, когда даже в рамках гражданско-правового производства претензии к их организации были отвергнуты Верховным судом РФ. И это уголовное преследование осуществляется на основе некритичного принятия следствием

психиатрического заключения, не способного отличить религиозные переживания от психического расстройства», – пишет И. Загребина [3]. Новое слушание дела состоялось *в том же составе суда*. То есть, та же самая судья, которая уже вынесла решение о запрете Церкви, вновь вела судебное заседание по тому же самому делу. На этот раз решение было противоположным: суд отклонил иск прокуратуры против Церкви «Благодать». Но по протесту прокуратуры этот вердикт был также отменен Верховным судом РФ. Состоялось третье рассмотрение дела в Хабаровском краевом суде и вновь в том же составе. Лишь на третий раз суд направил материалы, касающиеся церкви, на профессиональную экспертизу в г. Барнаул, где специалисты Лингвистического экспертно-консультационного центра провели квалифицированный религиоведческий и психологический анализ. В итоге, окончательным Решением Хабаровского краевого суда обвинения против Церкви Христиан Веры Евангельской «Благодать» г. Хабаровска были отклонены, но этому предшествовало трехлетнее «хождение по мукам» руководителей и прихожан Церкви.

В течение последних 5 – 6 лет правоохранительные органы Хабаровского края и других субъектов ДФО все чаще обращаются в Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ для проведения религиоведческих исследований и экспертиз. Автору этих строк приходилось заниматься исследованием материалов, касающихся таких конфессий, как: иудаизм, Международное общество Сознания Кришны; Церковь Сайентологии, – экспертизой Интернет-сайтов на предмет оценки высказываний, содержащих признаки разжигания религиозной вражды и др. Пожалуй, самым курьезным случаем было обращение прокуратуры г. Хабаровска по поводу письма, в котором содержалось требование признать Ветхий Завет книгой экстремистского содержания.

Регулярные обращения правоохранительных органов дают повод обратиться к вопросам проведения религиоведческих экспертиз в процессуальных целях. Важность этой проблемы понимают и руководители правоохранительных органов. В ноябре 2012 г. в г. Хабаровске под председательством заместителя Генерального прокурора Российской Федерации состоялось межведомственное совещание по вопросам противодействия деструктивной деятельности на территории Дальневосточного федерального округа нетрадиционных религиозных объединений. Решением этого совещания было предписано рассмотреть вопрос о целесообразности обращения в Министерств юстиции Российской Федерации с предложением о включении религиоведческой экспертизы и религиоведческих исследований в Перечень (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ. Религиоведческие исследования и экспертизы фактически проводятся, но при отсутствии официально установленных методик и критериев оценки

деятельности религиозных объединений, лица, привлекаемые в качестве экспертов, ориентируются на собственные представления о методах и критериях, на опыт проводимых другими исследователями экспертиз. При отсутствии официальных высококвалифицированных экспертов сотрудники правоохранительных органов чаще всего не знают, куда они могут обратиться для проведения религиоведческой экспертизы. Вопросы религии затрагивают настолько тонкие и сложные пласты духовной и социальной жизни людей, что они должны решаться максимально ответственно и профессионально.

Литература и источники:

1. *Богословский, М. О свободе совести и вероисповедания в современной России. Выступление на 1-й Балтийской гуманистической конференции. [Электронный ресурс] –.– Режим доступа: http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/42/bogoslovsky.htm*
2. *Вишнякова, И. Н. Свобода совести и свобода вероисповедания в России / И. Н. Вишнякова // Человек. – 2011. – № 5.*
3. *Загребина, И. По ком звонит колокол [Электронный ресурс] –.– Режим доступа: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=257&ELEMENT_ID=3382*
4. *Мальцев, В. Церковность против либерализма / В. Мальцев // Независимая газета. – 2012 – 3 октября.*
5. *Муру, Р. Правовое определение понятия «секта» / Р. Муру, А. Со // Власть. – 2009. – № 5. – С. 85 – 88.*
6. *Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / авт. колл.: М. О. Шахов [и др.] ; под общ. ред. Р. В. Маранова. – М. : Славянский правовой центр, 2011. – 624 с.*
7. *Одинцов, М. Особенности соблюдения права на свободу совести в России в 2011 г. / М. Одинцов // Религия и право. – 2012. – № 1. – С. 6 – 14.*
8. *О свободе совести и о религиозных объединениях : федеральный закон № 125-ФЗ от 26.09.1997.*
9. *Ситников, А. В. Православие, институты власти и гражданского общества в России : монография / А. В. Ситников. – СПб. : Алетейя, 2012. – 247 с.*